

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Елена Арсеньева

**Правнук ведьмы
Верни мое имя!**

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Москва
2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Большая книга ужасов 91. Правнук ведьмы ;
Верни мое имя / Елена Арсеньева. — Москва :
Эксмо, 2024. — 400 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-04-179892-5

Что делать, если стал жертвой черного колдовства или семейного проклятия? Если привычная реальность в один миг превратилась в невероятный, сверхъестественный кошмар? Герои этой книги на своем опыте поняли: главное — не отчаиваться и не трястись от страха! Из любой, даже самой жуткой ситуации можно найти выход. Ведь часто мы сами не догадываемся, на что способны...

Для читателей от 12 лет.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-179892-5

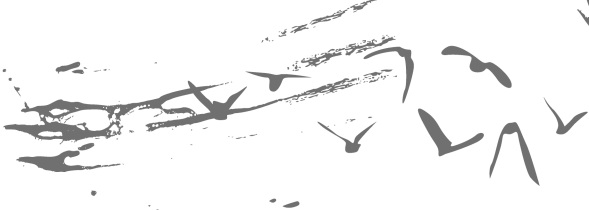

Правнук ведьмы

Теперь еще один остался подвиг,
А там... Не буду я скрывать,
Готов я лечь в великую могилу,
Закрывать глаза и сделаться землей.
Тому, кто видел, как сияют звезды,
Тому, кто мог с растением говорить,
Смерть не страшна и не страшна земля.

Николай Заболоцкий

...Я зажмурился — и словно бы увидел тот скрюченный, страшно изувеченный скелет, который Древолаз превратил в свой трон.

Вот что он сделал с моим отцом.

Эх, если бы я мог... если бы я мог отомстить! На все готов ради этого!

Таким злым я себя никогда в жизни не чувствовал. Прямо к сердцу жар подкатывал. Уж не знаю, что еще мне надо увидеть, что узнать, чтобы быть готовым ко всему и на все. Причем я понимал: это злоба отчаяния, злоба обреченного.

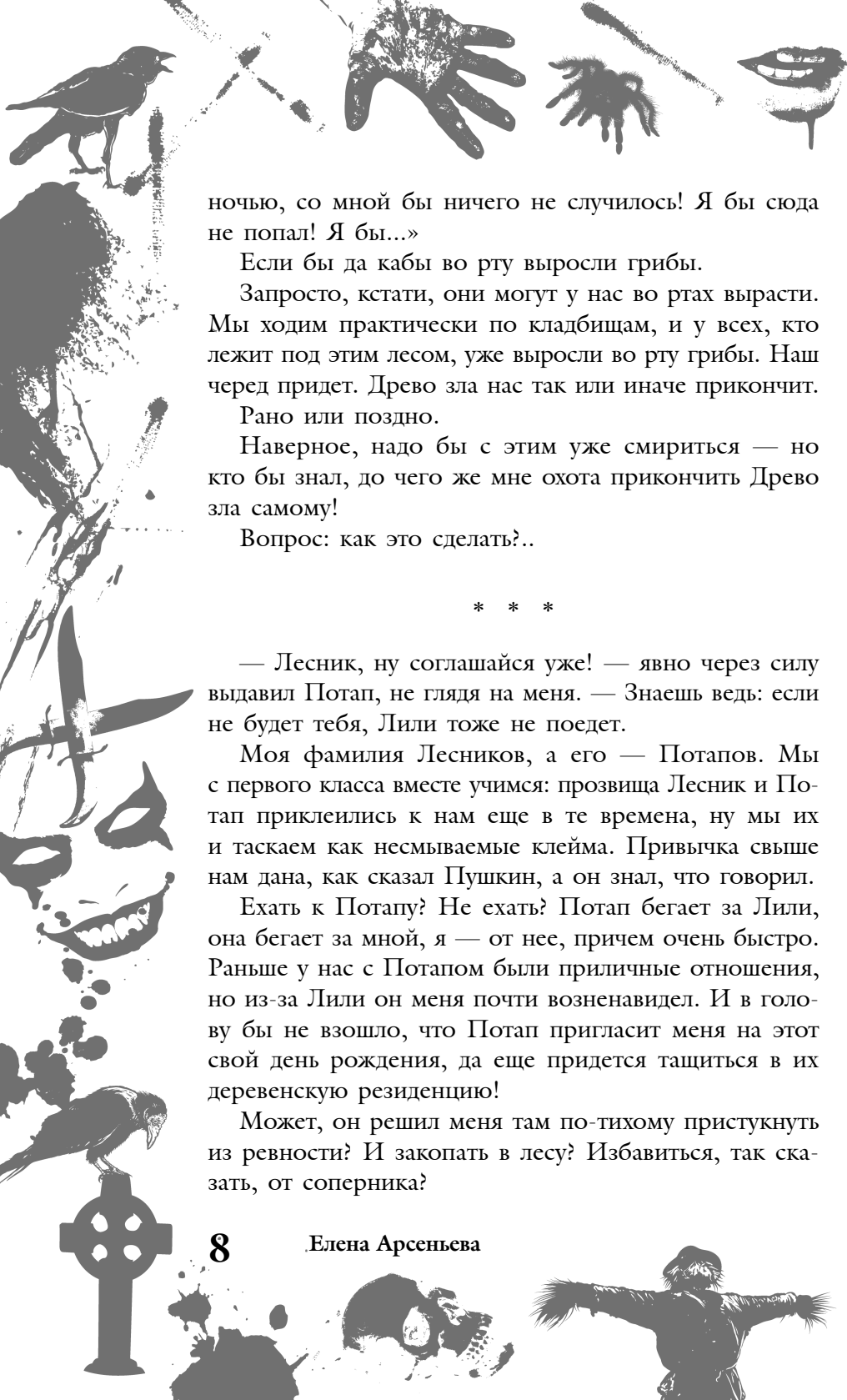
Ну да — мы обречены. Так или иначе, рано или поздно Древо зла доберется до нас. Оно уже давно могло бы нас прикончить, но, может быть, ему нравится наш страх. И нравится, что каждый из нас втихомолку мучается мыслями: «Вот если бы я не сделал то-то и то-то, я бы здесь не оказался!»

И это правда.

Коринка, конечно, думает: «Если бы не гроза! Если бы мы не вбежали в тоннель! Если бы у меня не было зонта! И вообще, если бы мы с Пеплом не пошли тогда по «Маленькому поясу», с нами бы ничего не случилось! Мы бы сюда не попали! Мы бы...»

А я грызу себя: «Если бы я не согласился поехать к Потопу! Если бы я не зазевался около почтового ящика! И вообще, если бы Леха не умер той давней

ночью, со мной бы ничего не случилось! Я бы сюда не попал! Я бы...»

Если бы да кабы во рту выросли грибы.

Запросто, кстати, они могут у нас во ртах вырасти. Мы ходим практически по кладбищам, и у всех, кто лежит под этим лесом, уже выросли во рту грибы. Наш черед придет. Дерево зла нас так или иначе прикончит.

Рано или поздно.

Наверное, надо бы с этим уже смириться — но кто бы знал, до чего же мне охота прикончить Дерево зла самому!

Вопрос: как это сделать?..

* * *

— Лесник, ну соглашайся уже! — явно через силу выдавил Потап, не глядя на меня. — Знаешь ведь: если не будет тебя, Лили тоже не поедет.

Моя фамилия Лесников, а его — Потапов. Мы с первого класса вместе учимся: прозвища Лесник и Потап приклеились к нам еще в те времена, ну мы их и таскаем как несмываемые клейма. Привычка свыше нам дана, как сказал Пушкин, а он знал, что говорил.

Ехать к Потапу? Не ехать? Потап бегаёт за Лили, она бегаёт за мной, я — от нее, причем очень быстро. Раньше у нас с Потапом были приличные отношения, но из-за Лили он меня почти возненавидел. И в голову бы не вошло, что Потап пригласит меня на этот свой день рождения, да еще придется тащиться в их деревенскую резиденцию!

Может, он решил меня там по-тихому пристукнуть из ревности? И закопать в лесу? Избавиться, так сказать, от соперника?

Вообще-то компанию Потап собрал нормальную. У нас в классе с первого сентября появились несколько ребят, у которых, похоже, в голове не мозги, а мозг. Понимаете, о чем я? Мозги — это то, что варят или жарят, а потом едят: к примеру, мозги телячьи по-деревенски. Мозг варит сам, да и зажарить может так, что о-го-го! В общем, такое впечатление — нормальные новички, особенно Стас, Кирилл и Витька. Хорошо бы поболтать с ними на свободе, не в классе.

Короче, я решил поехать. Но для начала малость повыпендривался, конечно.

— Потап, ты что, извращенец? — говорю. — Если Лили начнет меня интенсивно клеить, ты скажешь нам «Совет да любовь»?

— Не дури, — буркнул он. — Я, если честно, Лесник, здорово на тебя рассчитываю. Она начнет тебя клеить, ты ей брякнешь что-нибудь типа «Вали отсюда!», она разревется, убежит, а я... Ну, понял?

— Чего ж тут не понять? Ты сразу кинешься ей слезы утирать. Ладно, Потап. Если сия интрига избавит меня от Лиличкиных охов-вздохов, я тебе только спасибо скажу.

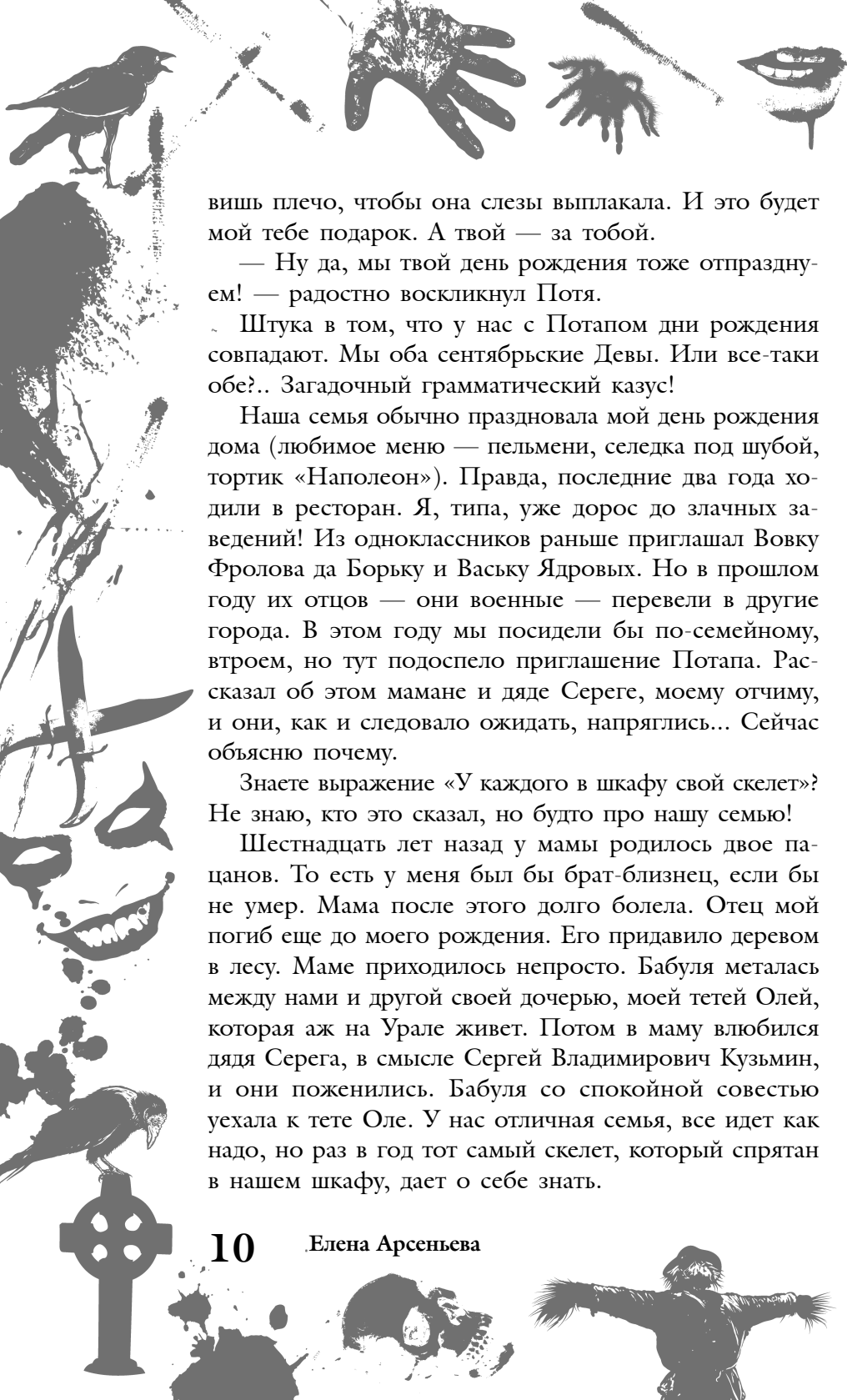
— Ты полный и окончательный лох, — сочувственно вздохнул Потап. — Такая девчонка — а ты словно ослеп!

— Умерь пыл, Потап, — говорю, — а то я ка-ак прозрею и разгляжу Лили. Охота тебе, чтобы я ее разглядел?

Его прямо дрожь пробрала, он даже побелел! Любовь — страшная вещь, оказывается.

— Ладно, — я махнул рукой. — Поеду, уговорил. Отошью Лили, если приставать начнет, а ты подста-

вишь плечо, чтобы она слезы выплакала. И это будет мой тебе подарок. А твой — за тобой.

— Ну да, мы твой день рождения тоже отпразднуем! — радостно воскликнул Потя.

Штука в том, что у нас с Потапом дни рождения совпадают. Мы оба сентябрьские Девы. Или все-таки обе?... Загадочный грамматический казус!

Наша семья обычно праздновала мой день рождения дома (любимое меню — пельмени, селедка под шубой, торт «Наполеон»). Правда, последние два года ходили в ресторан. Я, типа, уже дорос до злых заведений! Из одноклассников раньше приглашал Вовку Фролова да Борьку и Ваську Ядровых. Но в прошлом году их отцов — они военные — перевели в другие города. В этом году мы посидели бы по-семейному, втроем, но тут подоспело приглашение Потапа. Рассказал об этом мамане и дяде Сереге, моему отчиму, и они, как и следовало ожидать, напряглись... Сейчас объясню почему.

Знаете выражение «У каждого в шкафу свой скелет»? Не знаю, кто это сказал, но будто про нашу семью!

Шестнадцать лет назад у мамы родилось двое пацанов. То есть у меня был бы брат-близнец, если бы не умер. Мама после этого долго болела. Отец мой погиб еще до моего рождения. Его придавило деревом в лесу. Маме приходилось непросто. Бабуля металась между нами и другой своей дочерью, моей тетей Олей, которая аж на Урале живет. Потом в маму влюбился дядя Серега, в смысле Сергей Владимирович Кузьмин, и они поженились. Бабуля со спокойной совестью уехала к тете Оле. У нас отличная семья, все идет как надо, но раз в год тот самый скелет, который спрятан в нашем шкафу, дает о себе знать.

Ежегодно перед моим днем рождения (и днем рождения моего умершего брата!) мама садится в пригородный автобус и едет куда-то в сторону своей родной деревни Ведемы. Я там тоже, кстати, родился. Правда, в самой Ведеме уже почти шестнадцать лет никто не живет: все разъехались, деревня одичала, лесом заросла. Нас с Серегой мама в поездку не берет, но мы и так знаем: собственно до Ведемы она не доезжает, а где-то на трассе опускает в почтовый ящик написанное накануне письмо. Получатель — Алексей Васильевич Лесников.

Это имя и фамилия моего умершего брата. А меня зовут Александр Васильевич Лесников. Мы были бы Санька и Леха, но остался один Санька.

Адреса на конверте нет. Ну какой может быть адрес — «Тот свет», что ли?

Мама каждый год Лехе пишет... Это странно и немного жутковато, но если ей от этого легче становится, то пускай. Пускай пишет!

Потом она возвращается, и на следующий день мы отмечаем мой день рождения — все чин чинарем.

Столько уже лет прошло, но мама из-за Лехи очень переживает. Иногда встанешь среди ночи, чтобы попить, и видишь, как в темной кухне мама перед окном стоит и смотрит на деревья, которые машут ветками под уличным фонарем. Смотрит и всхлипывает.

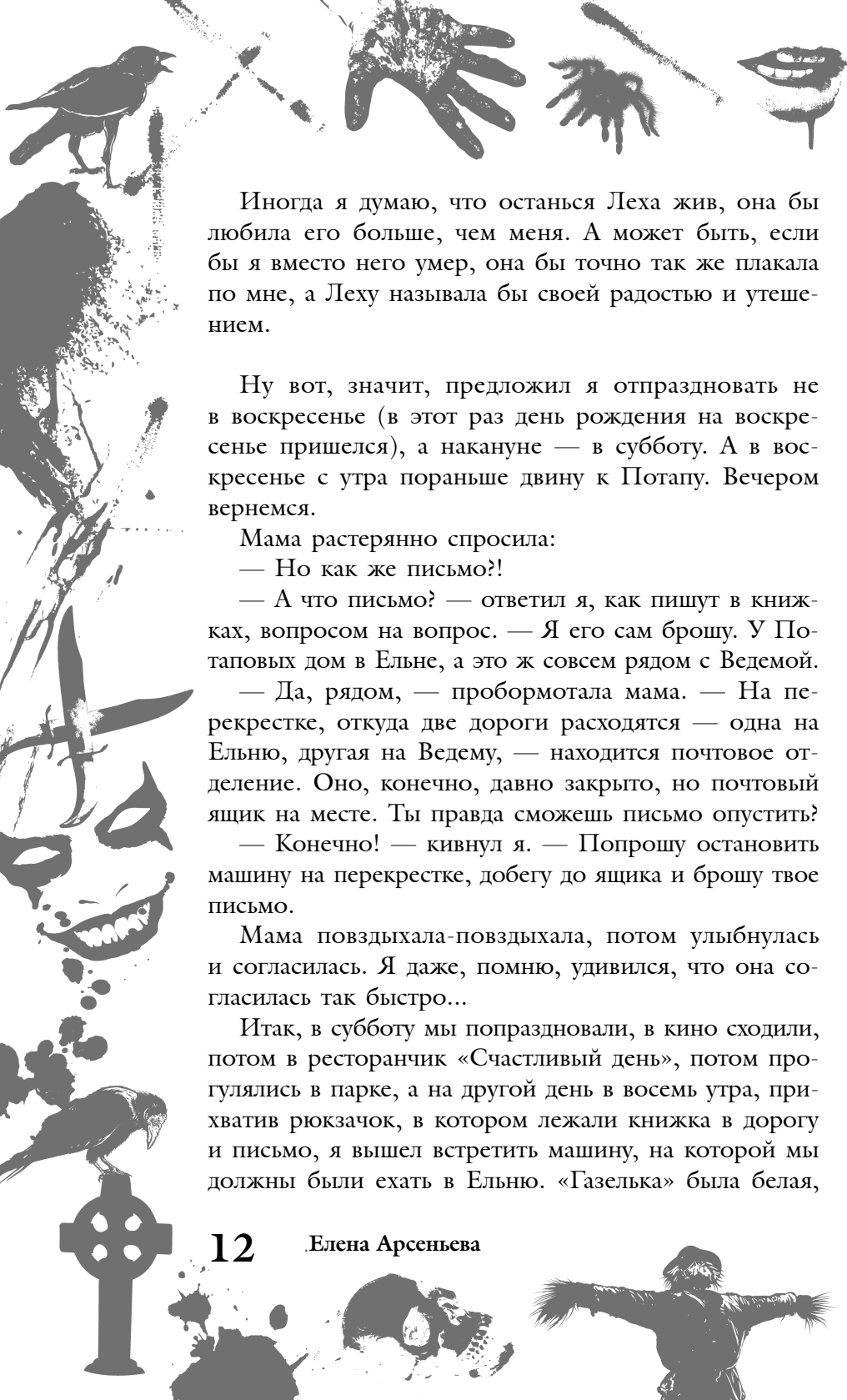
— Ну ты что, мам? — спросишь. — Сон страшный приснился, да? Не надо, не плачь, это ведь только сон!

Она кивнет, слабо улыбнется:

— Ах ты радость моя, утешение мое! — и уходит в их с дядей Серегой комнату.

А я знаю (не пойму откуда — но вот чувствую, чувствую!), что страшные сны ее — всегда о моем умершем брате.

Иногда я думаю, что останься Леха жив, она бы любила его больше, чем меня. А может быть, если бы я вместо него умер, она бы точно так же плакала по мне, а Леху называла бы своей радостью и утешением.

Ну вот, значит, предложил я отпраздновать не в воскресенье (в этот раз день рождения на воскресенье пришлось), а накануне — в субботу. А в воскресенье с утра пораньше двину к Потапу. Вечером вернемся.

Мама растерянно спросила:

— Но как же письмо?!

— А что письмо? — ответил я, как пишут в книжках, вопросом на вопрос. — Я его сам брошу. У Потаповых дом в Ельне, а это ж совсем рядом с Ведемой.

— Да, рядом, — пробормотала мама. — На перекрестке, откуда две дороги расходятся — одна на Ельню, другая на Ведему, — находится почтовое отделение. Оно, конечно, давно закрыто, но почтовый ящик на месте. Ты правда сможешь письмо опустить?

— Конечно! — кивнул я. — Попрошу остановить машину на перекрестке, добегу до ящика и брошу твое письмо.

Мама повздыхала-повздыхала, потом улыбнулась и согласилась. Я даже, помню, удивился, что она согласилась так быстро...

Итак, в субботу мы попраздновали, в кино ходили, потом в рестораник «Счастливый день», потом прогулялись в парке, а на другой день в восемь утра, прихватив рюкзачок, в котором лежали книжка в дорогу и письмо, я вышел встретить машину, на которой мы должны были ехать в Ельню. «Газелька» была белая,

новехонькая, вся сияла и сверкала. Потапов-олд под-держивает отечественный автопром, как я понял.

Машина оказалась уже полна: все ребята собрались, задние сиденья загромождены какими-то сумками, вдобавок там сидели Потаповы предки, и единственное свободное место оказалось, можете себе представить, рядом с Лили.

— Я для тебя место сразу заняла, — гордо заявила она, — и держала обеими руками, никого к нему не подпускала!

Сюрпризец... нечего сказать.

Ну, что делать. Я плюхнулся рядом, но тотчас вскочил: в заднем кармане моих старых спортивных штанов оказалось что-то твердое. Елки, да это же мой складной ножик! Я эти штаны с самой весны не надевал, когда мы с Серегой ездили незадолго до Пасхи в лес и я нарезал для мамы вербы. Потом про ножик ни разу не вспоминал, а утром, в спешке одеваясь, его не заметил.

— Не убежишь! — хихикнула Лили, хватая меня за руку.

Я сунул руку в задний карман и достал ножик.

— Ой, ты меня зарезать решил? — вытаращила глаза Лили и тут же кокетливо простонала: — Режь! Испытай мою страсть!

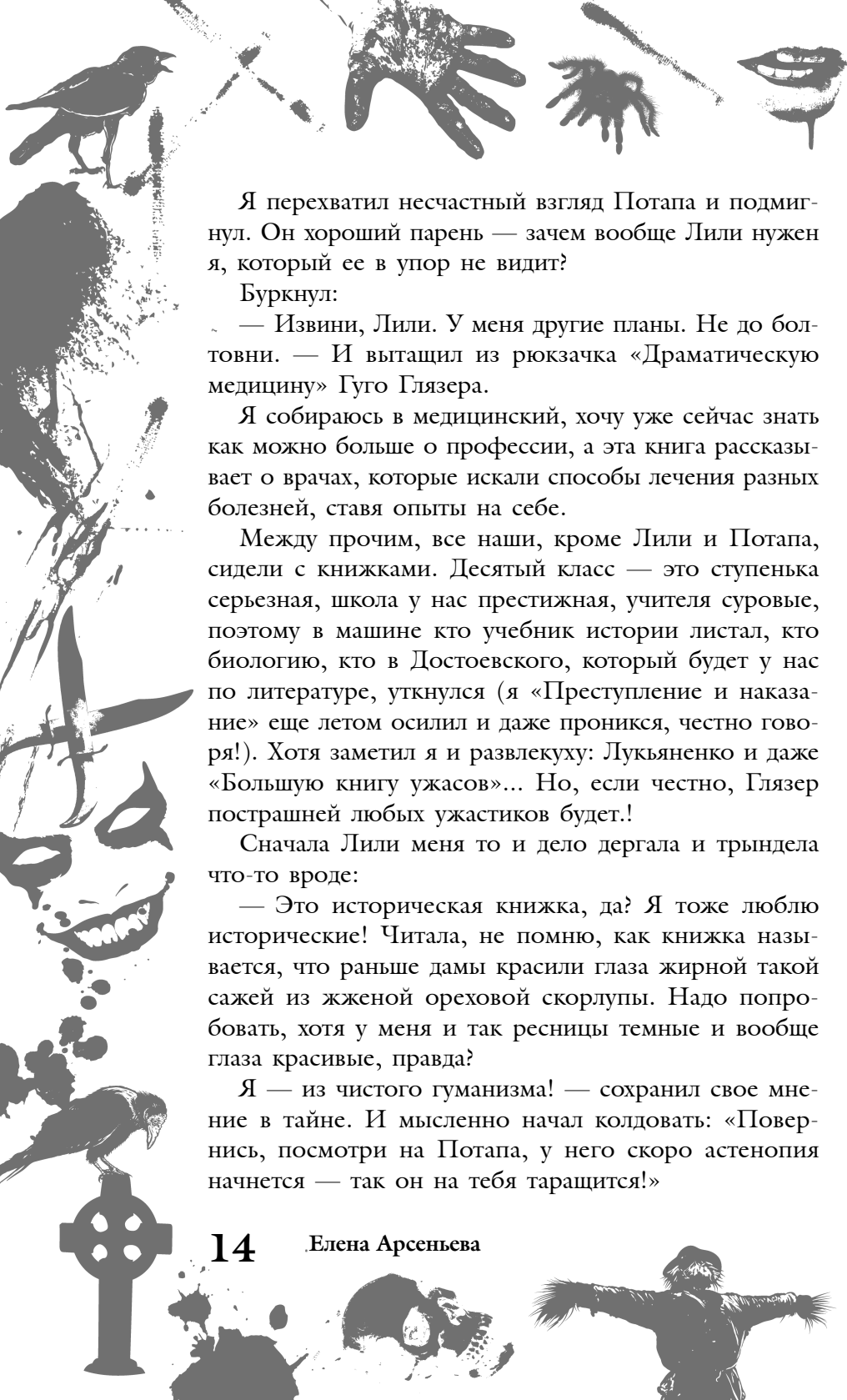
Во дурища, ну дурища... Какая еще на фиг страсть?!

Я поскорей спрятал ножик в боковой карман и сел, а то ребята уже со смеху покатывались, на нас глядя. Один Потап не покатывался, а страдал.

— Наконец-то мы с тобой вдоволь поболтаем! И вообще... побудем вместе, — промурлыкала Лили, пытаясь положить голову мне на плечо.

Эх, распустились девчонки... Прочитать бы ее, чтобы не забывала о приличиях!

Я перехватил несчастный взгляд Потапа и подмигнул. Он хороший парень — зачем вообще Лили нужен я, который ее в упор не видит?

Буркнул:

— Извини, Лили. У меня другие планы. Не до болтовни. — И вытащил из рюкзака «Драматическую медицину» Гуго Глязера.

Я собираюсь в медицинский, хочу уже сейчас знать как можно больше о профессии, а эта книга рассказывает о врачах, которые искали способы лечения разных болезней, ставя опыты на себе.

Между прочим, все наши, кроме Лили и Потапа, сидели с книжками. Десятый класс — это ступенька серьезная, школа у нас престижная, учителя суровые, поэтому в машине кто учебник истории листал, кто биологию, кто в Достоевского, который будет у нас по литературе, уткнулся (я «Преступление и наказание» еще летом осилил и даже проникся, честно говоря!). Хотя заметил я и развлекуху: Лукьяненко и даже «Большую книгу ужасов»... Но, если честно, Глязер пострашней любых ужастиков будет.!

Сначала Лили меня то и дело дергала и тряндела что-то вроде:

— Это историческая книжка, да? Я тоже люблю исторические! Читала, не помню, как книжка называется, что раньше дамы красили глаза жирной такой сажей из жженой ореховой скорлупы. Надо попробовать, хотя у меня и так ресницы темные и вообще глаза красивые, правда?

Я — из чистого гуманизма! — сохранил свое мнение в тайне. И мысленно начал колдовать: «Повернись, посмотри на Потапа, у него скоро астигматизм начнет — так он на тебя тарашится!»

Астенопия, если кто не знает, — это утомление глаз, которое начинается от сильного напряжения. Я же говорил, что в мед хочу поступать, вот и подковываюсь в терминологии потихоньку.

Колдовство не помогло. Вместо того чтобы вернуться к Потапу, Лили начала заглядывать в Глязера. И тут мне повезло! Она наткнулась на описание работы русского эпидемиолога Бещевой-Струниной, которая искала способы излечения возвратного тифа. Бещева-Струнина исследовала около шестидесяти двух тысяч тифозных вшей и получила шестьдесят тысяч укусов. Я ж говорю: Глязер пострашней любого ужастика будет!

Лили слетела с сиденья с такой скоростью, словно эти шестьдесят две тысячи вшей пока еще ползали по мне, но явно намеревались штурмовать ее, и растерянно огляделась: все места были заняты.

На счастье, Потап, который глаз с нее не сводил, мгновенно сориентировался: шепнул что-то Стасу Чернышову, своему соседу, и тот пересел ко мне, а Лили плюхнулась рядом с Потапом.

Стас, похоже, даже не заметил перемены мест слагаемых: не мог оторваться от своей книжки.

Ну, конечно, я не удержался и глянул краем глаза на страничку.

«...Я тебя предостерегаю.

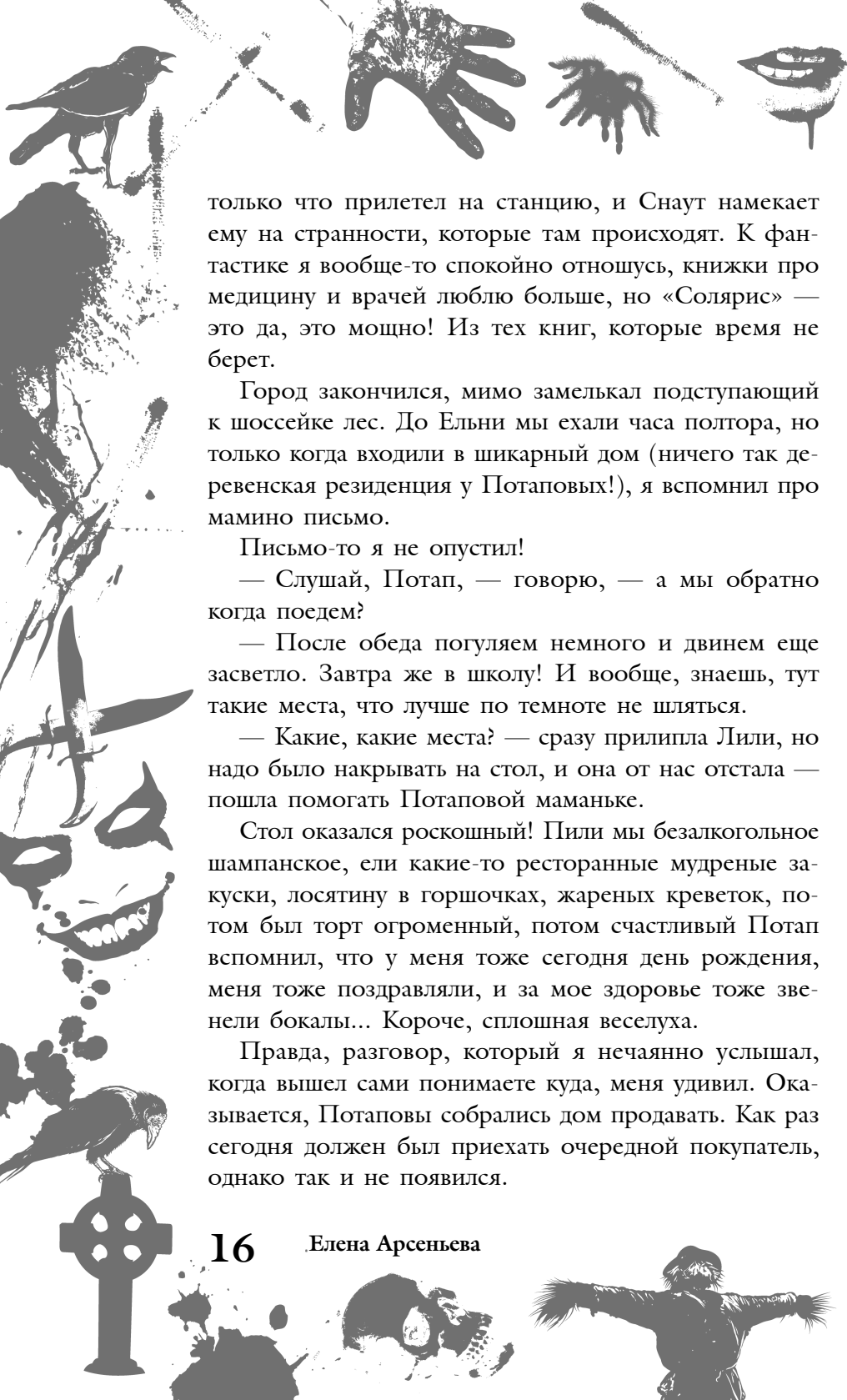
— От чего? О чем ты говоришь?

— Владей собой, — он упрямо говорил свое. —

Поступай так, как будто... Будь готов ко всему. Это невозможно, я знаю. Но ты попробуй. Это единственный выход. Другого я не знаю».

Да ведь это «Солярис» Станислава Лема! Любимая книга дяди Сереги. Ну и я прочитал ее. Крис Кельвин

только что прилетел на станцию, и Снаут намекает ему на странности, которые там происходят. К фантастике я вообще-то спокойно отношусь, книжки про медицину и врачей люблю больше, но «Солярис» — это да, это мощно! Из тех книг, которые время не берет.

Город закончился, мимо замелькал подступающий к шоссе лес. До Ельни мы ехали часа полтора, но только когда входили в шикарный дом (ничего так деревенская резиденция у Потаповых!), я вспомнил про мамино письмо.

Письмо-то я не опустил!

— Слушай, Потап, — говорю, — а мы обратно когда поедем?

— После обеда погуляем немного и двинем еще засветло. Завтра же в школу! И вообще, знаешь, тут такие места, что лучше по темноте не шляться.

— Какие, какие места? — сразу прилипла Лили, но надо было накрывать на стол, и она от нас отстала — пошла помогать Потаповой маманьке.

Стол оказался роскошный! Пили мы безалкогольное шампанское, ели какие-то ресторанные мудреные закуски, лосятину в горшочках, жареных креветок, потом был торт огромный, потом счастливый Потап вспомнил, что у меня тоже сегодня день рождения, меня тоже поздравляли, и за мое здоровье тоже звенели бокалы... Короче, сплошная веселуха.

Правда, разговор, который я нечаянно услышал, когда вышел сами понимаете куда, меня удивил. Оказывается, Потаповы собрались дом продавать. Как раз сегодня должен был приехать очередной покупатель, однако так и не появился.

— Наверное, и до него слухи дошли, — пробормотала мама Потапа и всхлипнула от огорчения. Конечно, спросить, какие-такие слухи могли дойти до покупателя, было невозможно, однако любопытство меня подгрызало.

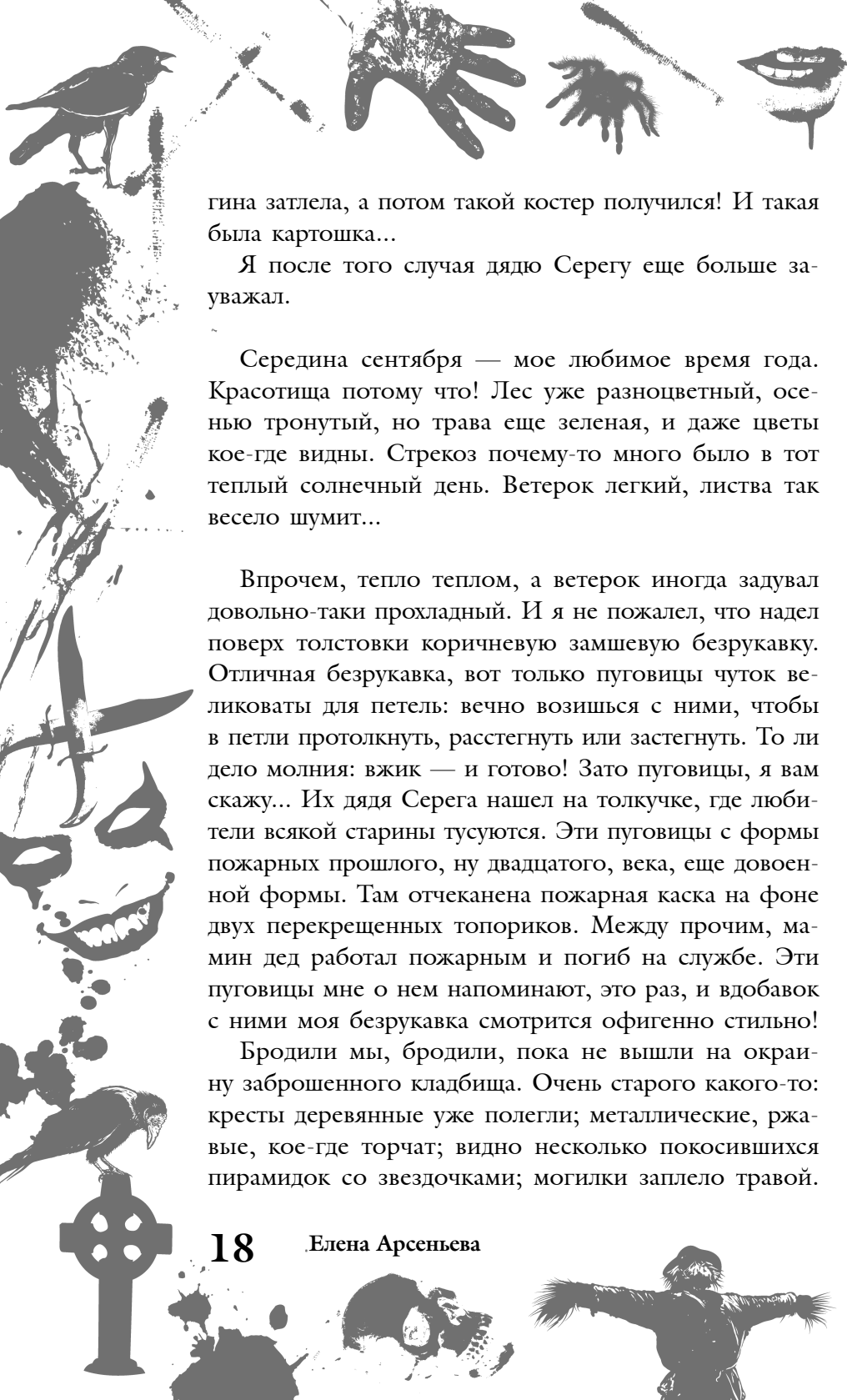
* * *

После обеда решили прогуляться. Пока шли по улице к лесу, я обратил внимание, что деревня почти пустая. На двух-трех подворьях ожесточенно довыкапывали картошку, но в основном дома (такие же красивые, как потаповский — пижонистые новостройки) были заперты, жалюзи опущены, на воротах замки. В старых избах окна вообще забиты крест-накрест, в огородах — кучки пожухлой ботвы... Можно подумать, люди сюда приезжают, чтобы только урожай вырастить да собрать поскорей, а отдых на природе никого не интересует. А ведь милое дело в это время — костры жечь и картошку печь!

В прошлом году мы ездили с мамой и дядей Серегой в лес и решили развести костерок. А спички забыли! Так что дядя Серега сделал? Нашел кремень (а в тех местах как раз заброшенный карьер, камешков-кремешков полно), положил на лезвие ножа какую-то бумажонку, чуть ли не магазинный чек, — и давай кремнем по лезвию чиркать, приговаривая: «Огнем наши предки еще в девятнадцатом веке пользовались! А мы чем хуже? Кремень есть, кресало есть — вот и все премудрости!» Это лезвие ножа, значит, стало кресалом.

Я в это время сухого мха и травки подсобрал, мама — тоненьких веточек — и вот бумажка дяди-Сере-

гина затлела, а потом такой костер получился! И такая была картошка...

Я после того случая дядю Серегу еще больше уважал.

Середина сентября — мое любимое время года. Красотища потому что! Лес уже разноцветный, осенью тронутый, но трава еще зеленая, и даже цветы кое-где видны. Стрекоз почему-то много было в тот теплый солнечный день. Ветерок легкий, листва так весело шумит...

Впрочем, тепло теплом, а ветерок иногда задувал довольно-таки прохладный. И я не пожалел, что надел поверх толстовки коричневую замшевую безрукавку. Отличная безрукавка, вот только пуговицы чуток великоваты для петель: вечно возишься с ними, чтобы в петли протолкнуть, расстегнуть или застегнуть. То ли дело молния: вжик — и готово! Зато пуговицы, я вам скажу... Их дядя Серега нашел на толкучке, где любители всякой старины тусуются. Эти пуговицы с формы пожарных прошлого, ну двадцатого, века, еще довоенной формы. Там отчеканена пожарная каска на фоне двух перекрещенных топоришков. Между прочим, мамин дед работал пожарным и погиб на службе. Эти пуговицы мне о нем напоминают, это раз, и вдобавок с ними моя безрукавка смотрится офигенно стильно!

Бродили мы, бродили, пока не вышли на окраину заброшенного кладбища. Очень старого какого-то: кресты деревянные уже полегли; металлические, ржавые, кое-где торчат; видно несколько покосившихся пирамидок со звездочками; могилки заплело травой.

Кое-кто из наших порывался побродить между ними, но Потап воскликнул:

— Лучше не надо!

— А что, боишься, за ногу кто-нибудь схватит? — усмехнулась Лили, и Потап серьезно ответил:

— Боюсь, да! Здесь всякое бывало. Кладбище очень большое: пойдешь по нему — невесть куда выйдешь, да и выйдешь ли, еще вопрос. Вон там видишь ельник? Под этими елями, говорят, кости находили.

— А они чьи были, человеческие или звериные? — спросила Лили.

— Человеческие, конечно, — буркнул Потап.

— Ты их сам видел? — недоверчиво вскинула брови Лили.

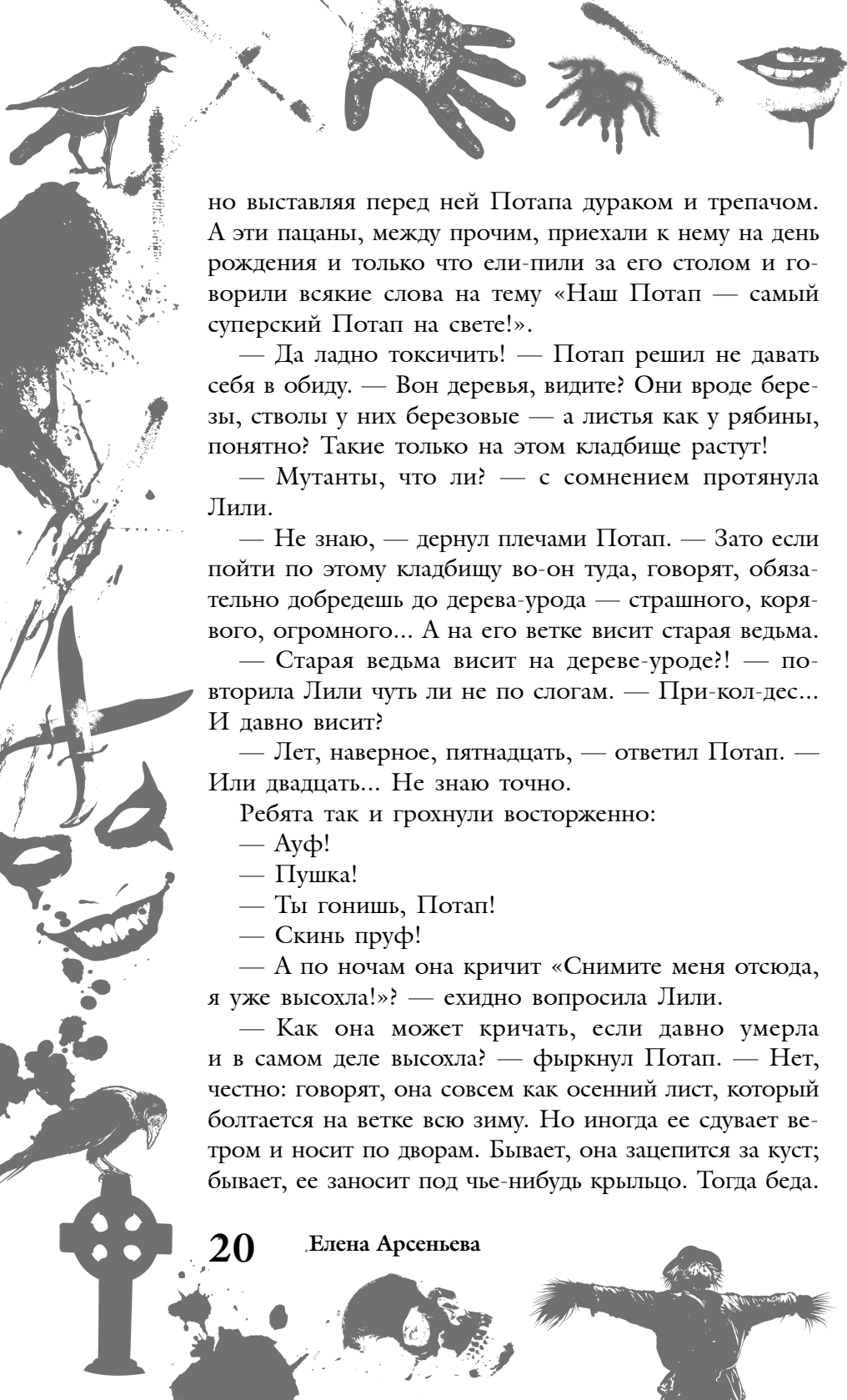
— Видел! И я видел, и другие видели! — огрызнулся Потап. — Овер до фига, кто видел!

— А еще чего они видели? — с издевкой вмешался Витька Аболдин. — Какого-нибудь мальчика, который бродит по кладбищу и плачет, потому что пошел один погулять и теперь не может найти маму? А потом он вдруг радостно бросается к какой-то могилке с криком «Нашел, нашел!» — и исчезает в ней, а на кресте написано, что здесь похоронены мать и ее маленький сын? — И Витька захохотал, покосившись на Лили.

— А может быть, видели девчонку, которой не нравится фотка на ее памятнике, поэтому она выходит из могилы и просит всех, кто ей попадет на пути, сделать другой снимок? — Это уже Кирилл Слепак противным таким пренебрежительным тоном высказался. И тоже покосился на Лили...

Понятно! Все с ними понятно! Они положили глаз на красоты Лили и теперь выпендриваются, старатель-

но выставляя перед ней Потапа дураком и трепачом. А эти пацаны, между прочим, приехали к нему на день рождения и только что ели-пили за его столом и говорили всякие слова на тему «Наш Потап — самый суперский Потап на свете!».

— Да ладно токсичить! — Потап решил не давать себя в обиду. — Вон деревья, видите? Они вроде березы, стволы у них березовые — а листья как у рябины, понятно? Такие только на этом кладбище растут!

— Мутанты, что ли? — с сомнением протянула Лили.

— Не знаю, — дернул плечами Потап. — Зато если пойти по этому кладбищу во-он туда, говорят, обязательно добредешь до дерева-урода — страшного, корявого, огромного... А на его ветке висит старая ведьма.

— Старая ведьма висит на дереве-уроде?! — повторила Лили чуть ли не по слогам. — При-кол-дес... И давно висит?

— Лет, наверное, пятнадцать, — ответил Потап. — Или двадцать... Не знаю точно.

Ребята так и грохнули восторженно:

— Ауф!

— Пушка!

— Ты гонишь, Потап!

— Скинь пруф!

— А по ночам она кричит «Снимите меня отсюда, я уже высохла!»? — ехидно спросила Лили.

— Как она может кричать, если давно умерла и в самом деле высохла? — фыркнул Потап. — Нет, честно: говорят, она совсем как осенний лист, который болтается на ветке всю зиму. Но иногда ее сдувает ветром и носит по дворам. Бывает, она зацепится за куст; бывает, ее заносит под чье-нибудь крыльцо. Тогда беда.